

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/19986645/90/8

Япония и Алтай: дискурсы ориентализма в иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь» (1903–1904)

Павел Викторович Алексеев¹, Валерия Сергеевна Шарыпова²

^{1, 2} Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

¹ pavel.alekseev.gasu@gmail.com

² sharypova_v@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются дискурсы ориентализма в воскресном иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь», выходившем под редакцией Г.Н. Потанина в течение 1903–1904 гг. На материале статей «Сибирской жизни», воскресного приложения, биографии и творческого наследия Потанина, эпистолярного наследия, воспоминаний и других трудов современников авторы реконструируют специфические нарративные стратегии выпусков иллюстрированного приложения, рассмотренных в семиотическом отношении как единый текст, объединенный сложной и отчасти противоречивой задачей обсуждения инородческого вопроса Сибири в связи с трагическими событиями Русско-японской войны 1904–1905 гг. Образы Японии и Алтая раскрываются не только как лидирующие топосы иллюстрированного приложения, но и как ключ к пониманию цивилизационных идей позднего областничества.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, сибирское областничество, ориентализм, Русско-японская война, «Сибирская жизнь», «Байкал», иллюстрированное приложение

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01272, <https://rscf.ru/project/22-28-01272/>

Для цитирования: Алексеев П.В., Шарыпова В.С. Япония и Алтай: дискурсы ориентализма в иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь» (1903–1904) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 159–182. doi: 10.17223/19986645/90/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/90/8

Japan and Altai: Discourses of Orientalism in the illustrated supplement to the newspaper *Sibirskaya Zhizn'* (1903–1904)

Pavel V. Alekseev¹, Valeria S. Sharypova²

^{1,2} Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ pavel.alekseev.gasu@gmail.com

² sharypova_v@bk.ru

Abstract. This article is dedicated to the examination of Orientalism discourses in the Sunday illustrated supplement of the newspaper *Sibirskaya Zhizn'* [Siberian Life] edited by the ideologist of Siberian regionalism Grigory Potanin and published in 1903 and 1904. Drawing from the materials of *Sibirskaya Zhizn'* articles, the Sunday supplement, Potanin's biography and creative legacy, as well as his epistolary heritage, reminiscences, and other works by his contemporaries, the authors reconstruct the specific narrative strategies employed in the issues of the illustrated supplement. These strategies revolved around the idea that the political events of the Russo-Japanese War of 1904–1905 as well as the British expedition to Tibet and the emergence of Burkhangsim in the Altai actively discussed in Russian and Siberian newspapers served merely as a backdrop for more substantial regional questions, formulated in a popular scientific format. Discourses on the Altai and Japan were pivotal in shaping this publishing project. From a semiotic perspective, the issues of the illustrated supplement are considered as a unified text, bound by the intricate and somewhat contradictory task of discussing the foreigner question in Siberia in connection with the tragic events of the Russo-Japanese War. Potanin, as the editor, crafted a distinctive composition for the issues, where textual and visual elements intentionally entered into complex semiotic relationships: drawings and photographs did not always directly correspond to the adjacent articles, but almost always established an indirect connection, signaling the existence of a sub-text – a “hidden” message for participants in the regionalist discourse. The formula “text – image – image caption – image commentary” allowed for overcoming the limited format of the publication and engaging the interested reader in polemical discourses of Siberian regionalism. The textual and visual unity of the illustrated supplement is realized on three levels: (1) the unity of individual articles and illustrations, (2) the unity of each issue, and (3) the unity of all supplement issues linked by a shared discourse, within which we can find minus-devices (e.g., lack of direct connection with political events) that constructed a highly intricate structure of a mature regionalist project. Materials concerning the natives of Siberia and the inhabitants of Japan (as well as, contextually, China, Tibet, and Mongolia) in the illustrated supplement of the newspaper *Sibirskaya Zhizn'* were a synthesis of Orientalism discourses, which, on the eve and during the Russo-Japanese War of 1904–1905, transmitted specific regional narratives about internal and external Eastern “Others”. Thanks to Potanin's editorial work, the fates of these Eastern “Others” were directly linked for the supplement's readers to Siberia, its colonial past, semi-colonial present, and hypothetical post-colonial future.

Keywords: Grigory Potanin, Siberian regionalism, Orientalism, Russo-Japanese War, *Sibirskaya Zhizn'*, *Baikal*, illustrated supplement

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-01272, <https://rscf.ru/project/22-28-01272/>

For citation: Alekseev, P.V. & Sharypova, V.S. (2024) Japan and Altai: Discourses of Orientalism in the illustrated supplement to the newspaper *Sibirskaya Zhizn'* (1903–1904). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 159–182. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/8

Личность и творчество идеолога сибирского областничества Г.Н. Потанина изучены в настоящее время достаточно хорошо, однако интерес к его наследию не ослабевает, а только усиливается со временем, и на это есть несколько объективных причин. Во-первых, разнообразные научные, публицистические и эгодокументальные тексты Потанина представляют большой интерес в связи с изучением дискурсивных практик имперской и пост-имперской культуры Российского государства второй половины XIX – начала XX в.: появление Транссибирской магистрали, волнения в Китае, Русско-японская война, революционные события и, наконец, Первая мировая война – все это резко обострило противоречия, которые напрямую связаны с проблематикой империй и имперских практик внутри России и за ее пределами. В этой связи реконструируемая позиция лидера сибирского областничества помогает понять разные аспекты эволюции русского изобретения «Востока» как внутри, так и за пределами метрополии, в том числе позволяет поставить вопрос о необходимости выделения «сибирского ориентализма» как отдельного объекта исследования. В настоящее время эти проблемы поставлены только отчасти в работах М.К. Чуркина, Н.Е. Никоновой, Нормана Перейры, Дэвида Схиммельпеннинка, Роберта Джераси и др. [1–5].

Во-вторых, тексты Потанина и других областников могут быть полезны при реконструкции сибирской рецепции восточной политики Российской империи, в особенности в периоды обострения международных отношений на Дальнем Востоке и на Балканском полуострове: Японо-китайская война (1894–1895), участие России в подавлении Боксерского восстания в Китае (1900–1901), Русско-японская война (1904–1905), аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгерской империей (1908), аннексия Кореи Японией (1910) и др. Областнический дискурс не был единственным значимым дискурсом о Западе и Востоке в Сибири, например, проправительственные, «централистские» взгляды на западно-восточную дихотомию, имперские практики, порождавшие идеи «Желтороссии» И. Левитова [6], идеи объединения Тибета с Монголией под покровительством России А. Доржиева [7. С. 97; 8] и проект прямого присоединения к России «монголо-тибето-китайского Востока» П. Бадмаева [9. С. 67] также имеют прямое отношение к дискурсам ориентализма. Однако самые тиражные частные газеты и наиболее влиятельные идеологи, связанные с формированием «сибирской точки зрения» на внутренние и внешние вызовы, безусловно, имели отношение к областничеству и его специфическому пониманию роли Сибири не только в

России, но и за рубежом. В-третьих, изучение художественных, публицистических и идеологических дискурсов русской колонизации Сибири и русско-инородческих отношений непременно требует всестороннего рассмотрения наследия Потанина и других лиц, вовлеченных в обсуждение и деятельное преобразование судеб аборигенного населения Сибири от Казахских степей до Полярного круга.

В указанном контексте один из наименее исследованных эпизодов деятельности Г.Н. Потанина связан с проектом издания в Томске в течение 1903–1904 гг. воскресного иллюстрированного приложения к газете «Сибирская жизнь». Благодаря работам историков сибирской периодической печати реконструированы основные эпизоды сотрудничества Г.Н. Потанина и П.И. Макушина, условия издания, причины прекращения выпуска [10–12], однако в имагологическом и ориенталистском отношении номера иллюстрированного приложения остаются белым пятном. Это представляется большим упущением, поскольку в приложении прямо или косвенно нашел отражение целый комплекс важных событий, напрямую связанных с интересами областнических акторов, в частности Русско-японская война на дальневосточных рубежах империи, Британская экспедиция в Тибет 1903–1904 гг. и активизация процессов национального самоопределения инородческого населения Западной Сибири (появление бурханизма). В контексте революционных событий и полемики с «Восточным обозрением» в 1905 г. вполне понятно потанинское стремление четко определить современное состояние областнической идеологии – это обусловило публикацию Потаниным серии статей, а затем и отдельного их издания [13].

Особенность подачи ориентального материала в иллюстрированном приложении заключалась в том, что политические события, активно обсуждавшиеся в газетах, служили здесь только фоном для более серьезных областнических вопросов, сформулированных в научно-популярной форме. Однако появление этих научно-популярных текстов на протяжении короткого времени существования приложения было обусловлено самыми актуальными международными событиями, связанными с интересами Сибири (или интересами авторов потанинского круга). Так, в 1904 г. по понятным причинам лидировала японская тематика, в контексте которой возникали сопутствующие темы Китая, Монголии и Алтая (о чем далее скажем более подробно). Материал «Как живут в Лхассе» [14], подписанный псевдонимом Андра Р. (вероятно, так подписался монголовед А.Д. Руднев) и датированный 1901 г., опубликован в августе 1904 г. также не случайно – именно в этот период завершилась боевая часть британского колониального вторжения в Тибет под руководством полковника Ф. Янгхазбенда, в результате чего резиденция далай-ламы была блокирована, а духовный лидер буддистов Тхуптэн Гьяцо был вынужден бежать в Монголию – это стало широко обсуждаемым международным событием [15]. В подтексте статьи – личный интерес Г.Н. Потанина к тибетско-китайской и монгольской тематике, а также своеобразная фиксация провала миссии Агвана Доржиева по сближению Тибета и Российской империи.

Участие Г.Н. Потанина в издании иллюстрированного воскресного приложения к самой тиражной частной томской газете «Сибирская жизнь» необходимо рассматривать в широком контексте: с одной стороны, в связи с его азиатскими экспедициями и многолетней работой над «восточной гипотезой», начавшейся публикацией о монгольском следе в генезисе русских былин 1880 г. и завершившейся фундаментальным 893-страничным трудом «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» 1899 г., который содержал большое количество иллюстраций. Стремление Потанина придать сибирскому публицистическому дискурсу научно-популярный и художественный характер, преодолевая тем самым ограниченную форму злободневных газетных публикаций, также вполне понятно.

Сплав научного и публицистического начал – отличительная черта многих областнических авторов, однако появление более современных форм взаимодействия с публикой соответствовало логике не только распространения сибирского патриотического нарратива среди молодежи, все больше и больше вовлекаемой в иные политико-идеологические дискурсы, но также эволюции отечественной периодики: иллюстрированные издания могли значительно поднимать свой тираж [16. С. 235] и в целом дольше циркулировать в обществе за счет преодоления «однодневности». В этом отношении интересны примеры издательских проектов П.И. Макушина, получившего разрешение добавить в «Сибирскую жизнь» иллюстрации, «относящиеся к событиям русской и иностранной жизни» [17. С. 1], о чем издатель сообщал в объявлении о подписке в начале 1903 г., а также иллюстрированных проектов В.А. Долгорукова: «Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России», «Дорожник по Сибири и Азиатской России» (после 1901 г. – «Сибирский наблюдатель»), «Бубенцы».

Специфику создания, отбора и компоновки материала Г.Н. Потаниным в ходе работы над воскресным иллюстрированным приложением, принадлежавшим П.И. Макушину, невозможно понять без привлечения сюжета его несостоявшегося редакторства в газете «Байкал», который развивался с начала марта 1901 г. до конца января 1902 г. и зафиксирован в переписке Г.Н. Потанина с М.Г. Васильевой, А.В. Адриановым, Е.Н. Вагнер, М.В. Загоскиным, С.Ф. Ольденбургом, Н.М. Мендельсоном и И.И. Поповым (а также в редакторских воспоминаниях последнего). Этот контекст позволяет установить важные особенности работы Потанина накануне и во время трагических событий 1904–1905 гг.: личную заинтересованность в проекте (улучшение своего материального благосостояния и развитие отношений с М.Г. Васильевой с января 1901 г.) и отдельных публикациях на интересующие его темы, стремление выйти за границы традиционных газетных жанров, привлекая как можно больше беллетристики, «мемуаров, писем и воспоминаний» (письмо М.В. Загоскину, август 1901 г. [18. Т. 5. С. 39]) и материалы профессионального востоковедческого характера (см., например, просьбу к С.Ф. Ольденбургу присылать в «Байкал» списки свежих книг по буддизму [18. Т. 5. С. 40]), стремление сформировать круг единомышленников во-

круг издания [19. С. 35], контекстуальная связь инородческой темы с внешне-политическими событиями на Востоке без прямых оценок российской политики, максимально широкий охват восточной тематики, а также непереносимое присутствие большого количества иллюстративного материала. Все это так или иначе витало в воздухе во время обсуждений будущего содержания «Байкала» и позднее нашло воплощение в приложении к «Сибирской жизни», поэтому можно уверенно говорить о том, что в период с 1901 по 1904 г. разные издательские проекты Потанина были объединены замыслом, целями и средствами их воплощения.

Кяхтинская газета «Байкал», находившаяся в финансовом кризисе, была куплена редактором-издателем «Восточного обозрения» И.И. Поповым в 1901 г.¹ Судя по всему, выгодно² приобретая убыточную газету, изначально Попов руководствовался больше экономическими соображениями, чем какими-то конкретными издательскими планами: в 1900 г. на волне всеобщего интереса к Ихэтуаньскому (Боксерскому) восстанию в Китае тираж «Восточного обозрения» и, как следствие, доходы редакции сильно увеличились. Это позволило завести подконтрольную типографию, перейти на ежедневный формат и задуматься над другими проектами. Изначально кяхтинская газета была больше ориентирована на востоковедческий контент, сообщая подробную информацию о русско-монгольских и русско-китайских связях, но Попов в целях развития полемического дискурса «Восточного обозрения» [20. С. 101] решил сначала передать ее социал-демократу В.Е. Мандельбергу, а затем (после протеста редакции) ссыльному народнику Я.В. Стефановичу. Вероятнее всего, именно Стефанович, а не Потанин, как указали Н.В. Васенькин и Н.В. Серебренников [21. С. 152], выступил редактором первого иркутского номера «Байкала» от 25 апреля 1901 г., который привел в ужас номинального редактора Багашева [20. С. 101]³, вследствие чего издание газеты было резко остановлено.

В марте 1901 г. Г.Н. Потанин из Петербурга писал Е.Н. Вагнер: «...подал в Главное управление по делам печати прошение г. Багашева, издателя газеты «Байкал», об утверждении меня редактором этой газеты, а вместе с тем и свое заявление, что я согласен принять на себя редактирование ее» [18.

¹ В мемуарах И.И. Попов указывает, что приобретение «Байкала» у И.В. Багашева произошло «в 1902 или в 1903 г.» [20. С. 100], однако в действительности контроль над изданием был получен намного раньше, поскольку иркутский номер «Байкала» (единственный за 1901 и 1902 гг.) со ссылкой на новый состав редакции и новую локацию вышел 25 апреля 1901 г.

² Видимо, стоимость «Байкала» на тот момент была такой низкой, что это позволило А.В. Адрианову в письме от 7 декабря 1901 г. предлагать Г.Н. Потанину самому купить газету, ссылаясь на то, что И.В. Багашев вообще отдал бы ее «без денег», и печатать в иркутской типографии П.И. Макушина [21. С. 157].

³ Содержание номера было довольно провокационным по отношению к прежним читателям: редакторская передовица и фельетон прямо указывали на жалкое провинциальное положение Кяхты, а большая статья о регламентации проституции была слишком смелой даже для иркутских читателей.

Т. 5. С. 30]. Очевидно, Попов рассматривал не только его в качестве редактора, поскольку уже с 1900 г. вопреки представлениям «старых областников» в «Восточном обозрении» явно наметилась тенденция к преобладанию общих и внешнеполитических вопросов над «местными» [20. С. 101]. Для Потанина, который никак не отреагировал на интервенцию российских войск в Маньчжурию летом и осенью 1900 г. в ответ на Ихэтуаньское антиколониальное движение, это, очевидно, было неприемлемо. Поэтому характеристика Потанина как неблагонадежного, данная Особым отделом Департамента полиции в ответ на запрос иркутских властей [22. С. 132], и неприятие новых условий существования ядринцевской газеты¹ не позволили Потанину стать не только редактором, но даже сотрудником «Байкала»². Вероятно, по этим же соображениям в 1903–1904 гг. во всех выпусках иллюстрированного приложения к «Сибирской жизни» в Томске редактором-издателем значился не Потанин, а Макушин.

В этот период собственный печатный орган для Потанина был делом, с одной стороны, сугубо личным (стабильный редакторский заработок в 50 рублей позволил бы ему обеспечить семейное счастье с М.Г. Васильевой), с другой стороны, он был важен для судьбы всего областнического проекта. А.В. Адрианов прямо указывал Потанину на то, что в настоящий момент у них нет «своей газеты», поэтому «Байкал необходим» [21. С. 154]: надо превратить его «целиком в строго выдержанный по направлению орган, чтоб это была твердыня чисто сибирских желаний, стремлений, чтоб на нем воспитывалась наша молодежь, чтоб в нем находили свою опору колеблющиеся старики» [21. С. 158]. Собирая богатый иллюстративный материал для «Байкала» и привлекая к сотрудничеству потенциальных авторов (например, красноярцев А.М. Матова и Н.Г. Шапошникова), Адрианов не оставляет эту идею и в 1902 г., убеждая Потанина в том, что назрела необходимость издавать собственный областнический журнал в Томске.

¹ М.В. Шиловский, основываясь на письме Г.Н. Потанина Н.М. Мендельсону от 4 октября 1901 г., делает не вполне корректный вывод, что члены редакции и главный редактор «Восточного обозрения» высказались «против замыслов Потанина» [22. С. 132]: ни в тексте письма о взаимоотношениях с Т.М. Фарафоновой, ни в мемуарах И.И. Попова такой информации нет.

² В письме М.Г. Васильевой от 19 марта 1901 г., еще до приезда в Иркутск, Потанин вполне осознает сложность предстоящей затеи: «Под свежим впечатлением события 4-го марта группа литераторов написала протест против действий полиции, под которым и я подписался. Хотя письмо это не было напечатано в русских газетах, но оно разошлось в рукописных списках в столичной публике и попало в немецкие газеты за границы. Есть опасение, что участие мое в этом протесте будет принято во внимание при решении вопроса о допущении меня к редакторским занятиям в «Байкале». Если департамент полиции не найдет возможным допустить меня к этим занятиям, то, может быть, мне удастся устроиться в «Байкале»; издатель может не согласиться допустить меня к занятиям в качестве негласного редактора» [19. С. 22]. Отклонение кандидатуры Потанина произошло, главным образом, по указанным причинам.

В этой связи интересно проследить хронологию плавного перехода издательского замысла от иркутского «Байкала» к томскому иллюстрированному приложению к «Сибирской жизни». Самое раннее упоминание этого проекта обнаруживается в письме Потанина к Васильевой от 19 июня 1903 г. Потанин сообщает, что с 1 мая 1903 г. занят вместе с А.М. Головачевым подготовкой к изданию «воскресных прибавлений» к «Сибирской жизни», параллельно сотрудничая с обновленной редакцией «Сибирского вестника»:

Еженедельно мы собирались в квартире Елиз[аветы] Петр[овны] Макушиной, пока она не уехала за границу; приходил сюда и ее отец П[етр] И[ванович]. Вот вчетвером мы формировали недельный номер, выбирали картинки, назначали, кому написать текст. Эта работа меня увлекает, потому что ею отчасти выполняется моя мечта создать орган, в котором отражалась бы артистическая жизнь Томска. <...> В этом издании предполагаем давать портреты известных сибиряков и посторонних лиц, послуживших Сибири, их биографии, снимки с картин художников, сюжеты которых взяты из сибирской природы или сибирской жизни, виды Сибири, типы сибирского населения, образцы внешнего быта в Сибири, а также картины и сцены из жизни города Томска, так как это умственная столица Сибири [19. С. 79].

Потанин умалчивает, что еще в декабре 1902 г. идею создания собственного областнического журнала в Томске ему настоятельно внушал А.В. Адрианов, предполагая главным содержанием сделать «хронику внутренней жизни страны» от «Урала до Порт-Артура», основываясь не только на корреспонденциях, но и на личных путевых впечатлениях предполагаемого редактора – Г.Н. Потанина:

Я представлял себе дело так, что именно Вы должны будете совершить, по крайней мере, полугодовое путешествие на этом протяжении и остановиться в Семипалатинске, Омске, Тобольске, Тюмени, Кургане, Барнауле, Бийске, Томске, Красноярске, Енисейске, Иркутске, Троицкосавске, Урге, Чите, Якутске, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Порт-Артуре, Пекине и Тяньцзине, остановиться с тем, чтобы в общих чертах ознакомиться с нуждами и особенностями районов, познакомиться с наличными культурными силами и отобрать из них всё лучшее для журнала, в качестве сотрудников. Личное знакомство и связи, которых совершенно недостает всем нашим изданиям, имеют огромное значение, как для продуктивности и содержательности работы, ее цельности, так и для внешнего успеха [21. С. 166].

Список городов и цели их предполагаемого посещения позволяют предположить, что концептуально это было бы второе «Восточное обозрение», сосредоточенное на самых актуальных внутренних и внешних ориентальных интересах областничества, только обновленное, с более качественной сетью собственных корреспондентов. Далее Адрианов дает подробный финансовый расклад этого предприятия и просит Потанина начать активные переговоры с возможными компаньонами и издателями. Хотя ответное письмо Потанина нам неизвестно, можно предположить, что появление иллюстрированного приложения в том виде, в каком оно увидело свет в мае

1903 г., является прямым продолжением интеллектуальных усилий Потанина и Адрианова по созданию «Байкала». Однако необходимо заметить, что ни сети собственных корреспондентов, ни большого количества беллетристики в иллюстрированном приложении к «Сибирской жизни» не будет – четырехстраничные выпуски содержательно будут уступать материалам другого томского издания – «Сибирского наблюдателя». В то же время нельзя забывать о том, что перед Потаниным в этот период стояли цели, которые корректировались в контексте крайне важных событий, происходивших как в его личной жизни, так и в жизни страны. Тесное переплетение этих факторов привело к тому, что проблематика инородческого вопроса, напрямую связанного с теми задачами издания, которые Потанин описывал Васильевой в письме от 19 июня 1903 г. и которые обозначил в первом выпуске от 4 мая 1903 г. в пояснении к фотографиям алтайских инородцев, была объединена с проблематикой внешнеполитических событий, касающихся Японии и Китая, – вопреки его критике такой же тенденции «Восточного обозрения». Вполне возможно также, что дрейф в сторону внешнеполитической повестки был продиктован не только военным временем, но также влиянием владельца издания, вопреки первоначальным планам Потанина.

Рассмотрим синтез этих тем, формирующий специфические ориенталистские дискурсы приложения, более подробно. В контексте инородческого вопроса прежде всего обращает на себя внимание явное преобладание темы Алтая и его индигенного населения: статьи Г.Н. Потанина, написанные специально для публикации в приложении, о китайских и монгольских темах географически также связаны с Алтаем – Алтайским горным округом Томской губернии, граничащем с монгольскими степями и Цинской империей. Эта тема формирует кольцевую композицию выпусков приложения, если рассматривать их в семиотическом отношении как единое целое: первый номер 1903 г. и последний номер 1904 г. содержат текстовую и иллюстративную информацию именно об инородческом населении Алтая. В целом преобладание алтайского топоса объясняется двумя причинами: во-первых, общим представлением областников (опирающемся на авторитетное мнение Н.М. Ядринцева) о том, что Алтай – это «метрополия сибирских тюрков», где лучше всего следует искать родство «сибирских инородцев с племенами средней Азии и Монголии» [23. С. 3], поскольку именно там население наименее затронуто инокультурным влиянием; а во-вторых, концепция Алтая (более точный локус – усадьба художника-инородца Г.И. Гуркина в «Чемальском тупике») как место любовной идиллии с М.Г. Васильевой начинает формироваться в сознании Г.Н. Потанина как раз в период болезненного разрыва с «Восточным обозрением» из-за «Байкала», о чем свидетельствует письмо из Красноярска от 22 февраля 1902 г. В дальнейшем Алтай так и останется в их переписке лейтмотивом «счастливого места», при этом включая в свою концептосферу, как это ни странно, не только азиатские, но и европейские коды [24. С. 286–289].

Кроме того, именно Алтай в 1904 г. будет очень плотно связан с темой Русско-японской войны¹, поскольку внезапное религиозно-националистическое «брожение» среди алтайских «калмыков» спровоцировало слухи о том, что это инспирировано Японией в целях дестабилизации русско-инородческих отношений в Сибири. В июне 1904 г. «Сибирская жизнь» не осталась в стороне от этих дискурсов, невольно нагнетая панические настроения непроторенной информацией:

Мирная жизнь алтайцев-кочевников сейчас нарушена появлением какого-то загадочного шарлатана, выдающего себя за пророка. <...> Про себя же этот новоявленный пророк говорит, что он по происхождению «японской крови» «Япон-готай», т.е. дядя японскому императору. Последнее обстоятельство заставляет сомневаться в местном происхождении шарлатана, тем более легендарный Ойрот в преданиях алтайцев ничего общего с династией японского императора не имеет [25. С. 3].

В более выдержанной статье В.Ф. Булгакова (псевд. – «Вал. Буля») от 17 июня 1904 г. «С Алтая» связь этих событий с войной устанавливается только опосредованно. В день выхода статьи Г.Н. Потанин написал письмо ее автору, в котором попросил во время этнографической экспедиции в Чемам обратить внимание на алтайские предания об Ойрот-хане и выяснить, наблюдается ли большой интерес «к газетным известиям о войне у местного и туземного населения» [18. Т. 5. С. 69]. Опасения Потанина были отнюдь не напрасны, поскольку несколько дней спустя, 21 июня 1904 г., общественные страхи спровоцировали массовое избиение алтайцев в долине Теренг отрядами под руководством бийского исправника В.И. Тукмачева. К иллюстрированному приложению от 18 июля 1904 г. Г.Н. Потанин успел подготовить большую успокоительную статью «Средне-азиатский мессианизм», в которой на историко-культурном материале доказывалась идея автохтонного происхождения мифа об Ойрот-хане, а напугавшие русскую публику моления алтайцев определялись как естественный процесс развития религиозного самосознания. Эти утопические мечты, по мнению лидера областничества, легко устраняются появлением «светских школ» [26. С. 4].

На примере статьи Потанина можно проанализировать интересную особенность использования иллюстративного материала в воскресном приложении: рисунки и фотографии не всегда прямо соответствовали статье, расположенной рядом, однако почти всегда можно установить косвенную связь, сигнализирующую о наличии подтекста – «свернутого» сообщения, которое могло быть без труда реконструировано всеми участниками областного дискурса. Таким образом, Потанин не просто иллюстрировал текстовую информацию, размещая фотографии и картинки «где придется», а формировал специфическую композицию выпусков, в которых текстовый и

¹ Связь алтайцев с японцами осталась и в более поздних дискурсах об Алтае: в 1937 г. Г.И. Чорос-Гуркин будет расстрелян по ложному обвинению в шпионаже в пользу Японии.

визуальный компоненты заведомо вступали в сложные семиотические отношения. Формула *«текст – изображение – подпись к изображению – комментарий к изображению»* позволяла Потанину преодолеть ограниченный формат издания и вовлечь заинтересованного читателя в полемические дискурсы. Текстово-изобразительное единство иллюстрированного приложения при этом только самый низкий уровень интертекстуального единства, реализованного Потаниным в ролях автора и редактора: над этим располагалось единство каждого номера, а еще выше – единство всех номеров приложения, связанного единым дискурсом, в котором системы приемов и минус-приемов (например, отсутствие прямой злободневности) формировали сложнейшую по своей организации конструкцию зрелого областнического проекта.

Например, фотографическая иллюстрация «Китайские львы», располагающаяся на странице с упомянутой статьей Потанина об азиатском мессианизме, изображала сценку из костюмированного праздника в Харбине, а ориенталистское пояснение к фотографии гласило, что китайцы любят зрелища и процессии:

Косматые животные трясут своими огромными головами, страшно рычат, скрывая внутри себя жалкого полуголодного китайца, который едва может просуществовать на гроши, собираемые за представления. Вокруг собралась толпа, состоящая главным образом из солдат, с любопытством смотрящая на «китайские чудовища» [27. С. 4].

В этом контексте складывалась социальная и цивилизационная параллель между двумя типами угнетенных азиатов (алтайцев и китайцев), которые, будучи дикарями, любят костюмированные представления (бурханистские моления тоже могут быть вписаны в этот ряд). Однако если русские солдаты в Китае смотрят на азиатские чудачества с любопытством, свойственным представителям просвещенного мира, то на Алтае они испытывают страх и без разбора применяют насилие¹. Проблематика насилия в отношении азиатских субалтернов, естественная в контексте Русско-японской войны, приобретает на алтайском материале, таким образом, антиимперскую направленность, отражающую глубокие убеждения Г.Н. Потанина, основанные на областническом гуманизме и «восточной гипотезе»: еще в период подготовки материалов для «Байкала», в октябре 1901 г., он формулирует мысль, которая будет прослеживаться и в иллюстрированном приложении к «Сибирской жизни» – угнетенные инородцы, равно как и «босяки» в повестях А.М. Горького, должны изображаться «выше цивилизованного человека» [18. Т. 5. С. 43].

¹ Позднее, в письме В.Г. Короленко от 5 января 1905 г., Г.Н. Потанин прямо назовет главного организатора этого насилия – Алтайскую духовную миссию, ревностно воспринявшую появление нового языческого учения, которое мгновенно и очень успешно захватило умы большинства населения алтайских дючин, и подстрекавшую к «возмутительной расправе» [18. Т. 5. С. 73].

Код «угнетенного инородца» также хорошо просматривается в семиотической связке новеллы «Песнь о старых супругах» и комментированных фотографий черневых татар в VI приложении к № 35 «Сибирской жизни» от 15 февраля 1904 г. Новелла французского мастера колониального романа Пьера Лоти была заимствована из вышедшего в 1901 г. в Петербурге собрания его сочинений. Она повествовала о суровой жизни Тото-Сан и Кака-Сан, двух старых калек из Нагасаки, влачащих жалкое существование, но испытывающих друг к другу трогательные нежность и заботу:

Слепой Тото-Сан таскал за собою в маленьком ящике на колесах Кака-Сан, которая была разбита параличом <...> Их способ просить милостыню был скромен и порядочен; они не осаждали людей своим попрошайством, а просто и молча протягивали руки, несчастные сморщенные руки, на которых виднелись уже складки, как на мумиях <...> когда наступал вечер, приводя с собою холод и тьму под кедрами, когда священный ужас и тайна внезапно охватывали окрестности храмов и дороги, окаймленные чудищами, старые супруги как будто дряхлели и опускались [28. С. 3–4].

Далее следует описание смерти и погребения Кака-Сан во время их путешествия на богомолье «в храм богини Кваноны», и все, что осталось от несчастной японской старушки, которую так любил слепой супруг, другие богомольцы также попытались из санитарных соображений закопать:

Она натворила вещей в своем ящике крайне нечистоплотных, по весьма прости-тельной перед концом небрежности, и землекопы с отвращением предлагали по-кидать также в яму все эти вещи, выпачканные невероятной грязью: одеяло, ка-кие-то тряпицы, маленькие чашечки и фонарик [28. С. 4].

Обезумевший от горя Тото-Сан бросился на это тряпье, не позволяя отнять у него память о покойной супруге, но ситуацию спасла нищая старуха – она вызвалась постирать вещи в ручье. Две фотографии черневых татар, помещенные на странице с этими душещипательными описаниями, вполне иллюстрировали образы всех основных персонажей новеллы: на верхней фотографии крайне изможденные инородцы прочитываются как Тото-Сан, Кака-Сан (сидящая на ящике) и нищая старуха; на нижней фотографии словно бы изображены богомольцы, которые безучастно закопали старушку и готовы радостно отправиться дальше. Комментарии к рисункам также не оставляют сомнений в том, что редакция проводит параллели между несчастными существами «под кедрами», где бы эти кедры ни произрастали:

В лесной «черневой» части Кузнецкого и Бийского округов Томской губернии, по рекам Томи, Мрасу, Кондоме, Лебедю и др. проживают так называемые черневые татары <...> Занятия их составляют главным образом рыбная ловля, охота, промысел кедрового ореха <...> Живут они бедными «улусами» и кое-как снискивают свое незатейливое пропитание <...> Выбитым из колеи вследствие каких-либо особых случайностей приходится нищенствовать и за сбором они идут в более культурные места, где можно рассчитывать на более обильное подаяние, каковы города Кузнецк и Бийск <...> Черневые инородцы малорослы, малосильны,

суровая окружающая природа наложила на них отпечаток робости, подавленности, а в их положении нищих они производят самое жалкое впечатление [29. С. 4].

Злободневную тему связи отечественных инородцев и Японии развивает в апрельских номерах иллюстрированного приложения 1904 г. Н.Я. Новомбергский, издавший незадолго до того книгу «Остров Сахалин» (1903), обличительный характер которой привел к невозможности для него далее занимать государственные должности. Его статья «Инородцы острова Сахалина» рисует картину тягостного сосуществования ссыльных поселенцев («невольных колонизаторов») и разных инородческих племен, на «прокормление» которых государство тратит миллионы рублей вместо того, чтобы приспособиться к использованию его естественных богатств. Вместе с тем в описаниях инородцев, сопровождаемых фотографиями из коллекций А.А. фон Фрикена и Такеси Иканавы, автор допускает иронию, представляя некоторые обычаи туземного населения в забавном свете:

Семейная жизнь гиляков носит следы взаимной любви супругов и уважения к старшим. Жена покупается за небольшой калым, почему нередко она приобретается в детском возрасте, когда стоит подешевле. Встречается многоженство <...> Неверность наказывается смертью. В родстве сохранились черты когда-то бывшего группового брака, в силу которого муж имел право на сестер своей жены, равно как последняя принадлежала всем его братьям. Вся тяжесть домашних работ безраздельно падает на женщину [30. С. 1–2].

Ирония видна и в сравнении влияния русских и японцев на одежду местного населения: если от русских инородцы приняли арестантское сукно, то от японцев – хорошую материю. Основная мысль статьи, легко реконструируемая из связи изображений и текста, заключается в том, что инородческий вопрос на Сахалине стоит крайне остро, и при этом, несмотря на тридцатилетнее владение островом, русские оказывают либо негативное, либо совсем ничтожное влияние на жизнь диких племен – вывод вполне традиционный для областнического дискурса. Таким образом, связка изображения и текста – ориенталистский прием отстранения, позволяющий представить иначе позиции сибирских инородцев и японцев в дихотомии «свой–чужой». Она расширяла тематику инородческого дискурса, а разнообразные аспекты имперских и антиимперских нарративов формировали сложную и противоречивую картину взаимодействия русских с внутренними и внешними ориентализованными «Другими».

Характер этих и других материалов об инородцах в соответствии с областническими установками был, главным образом, связан с популяризацией знаний о коренном населении Сибири, его культуре и продвижении его политических и экономических интересов. Это было важно и для поддержания актуальности инородческого вопроса, и для формирования востребованного экзотического контента, и для эстетического развития сибирского читателя, включенного таким образом «в диалог русской и инородческой культур, который помогал становлению многонационального сибирского

общества и способствовал эстетическому развитию читателей» [11. С. 81]. Развитие смешанных (не исключительно текстовых) средств воздействия на публику стало очевидным трендом культурных и политических акторов на рубеже XIX и XX вв.

Иллюстративный материал об инородцах в этой связи представлялся областникам одним из самых эффективных средств зримого контакта с их культурой, особенно если он был представлен публике не только в виде публикаций, но и в виде живого диалога культур. Именно так обстояло дело в послевоенный период с двумя вечерами, презентующими томской публике инородческую культуру Сибири при непосредственном участии Г.Н. Потанина (он делал контекстные публикации в «Сибирской жизни» и непосредственно участвовал в организации): Доклад А.В. Анохина в Томском отделении Русского музыкального общества 22 марта 1908 г. и «Сибирский вечер» 20 февраля 1909 г. В письме С.Ф. Ольденбургу от 24 апреля 1908 г., Потанин сделал акцент на успехе изобразительного кода музыкального вечера: «Сначала алтаец Гуркин устроил выставку алтайских пейзажей масляными красками и сцен алтайской жизни; продал картины на 2000 с лишком рублей. Успех неожиданный!»¹ [18. Т. 5. С. 93]. А в объявлении о предстоящем 20 февраля 1909 г. костюмированном «Сибирском вечере», где распорядителем значился Г.Н. Потанин, а в программе были шаманские камлания и продажа фотографий, «рисующих быт сибирских народностей», жирным шрифтом выделена информация о том, что фотографии шамана наличествуют «в большом числе». Своеобразной рекламой этих иллюстраций (как и вечера в целом) служила статья Потанина «Алтайский кам (по поводу сибирского вечера)», опубликованная на с. 3 этого же номера «Сибирской жизни».

В течение 1903 г. в иллюстрированное приложение практически не проникали темы международной политики, редакторские усилия были сосредоточены на внутрисибирских вопросах. Однако в конце января 1904 г. война с Японией внесла существенные коррективы. Спрос на «Сибирскую жизнь» и ее приложение резко вырос, поскольку это был самый авторитетный и самый тиражный неофициальный источник информации о Русско-японской войне не только в Томске, но и по всей Сибири: официальные издания Томска, Красноярска и Иркутска в сравнении с «Сибирской жизнью» содержали небольшой новостной и аналитический материал, а другие частные газеты имели гораздо меньший тираж. Вторая по значимости частная газета Томска «Сибирский вестник», в которой также сотрудничал Потанин, смогла на волне дальневосточных событий увеличить свой тираж к 1905 г. с 2000 до

¹ Успех алтайского шамана Мампыя, представленного томской публике 20 февраля 1909 г. (подробнее об этом см. в статье «Пребывание кама в Томске» [31. С. 3]) будет позднее закреплён в шоу, организованном С.И. Гуркиным в Политехническом музее Москвы в 1914 г., где в контексте камланий шамана Болчока успешно представлены картины с видами Алтая Г.И. Гуркина [32. С. 3].

7500 экземпляров, но все равно это было вдвое меньше тиража «Сибирской жизни».

Основные новостные материалы, касающиеся событий дальневосточного конфликта, – это перепечатки материалов прогрессивной газеты «Русское слово», издававшейся в Москве под редакцией В.М. Дорошевича и имевшей собственного военного корреспондента на Дальнем Востоке – В.И. Немировича-Данченко, и порт-артурской газеты «Новый край». Однако дискурсы ориентализма «Сибирской жизни» состояли не только из новостных, но и из аналитических материалов, у которых была важная особенность: Н.В. Жиликова обратила внимание на то, что в «Сибирской жизни» в канун Русско-японской войны «в 1903–1904 гг. появился новый корреспондент – русскоязычный японец Фусата-Сузуки. Его статьи знакомили сибиряков с бытом, традициями и обычаями Японии» [33. С. 58].

Эта информация крайне интересна тем, что дискурсы о Японии системно формировались японцем, а не отечественными ориенталистами, однако данные томского исследователя о нарративах Фусаты-Сузуки требуют важнейших уточнений. Дело в том, что Фусата-Сузуки (другие варианты подписи – Ф.С., Фусата Сузуки, Фусата-Сузукисан) появился в «Сибирской жизни» с указанием на то, что это специальный корреспондент, не в 1903 г., а значительно раньше: первая статья за подписью «Фусата-Сузуки» вышла 29 января 1902 г. и была посвящена бюджету Японии на 1902 г. (по материалам газеты «Осака Асахи») – за день до подписания союзного соглашения между Японией и Великобританией. Как показали дальнейшие события, это соглашение имело большое стратегическое значение для Японии в период подготовки будущей войны, поэтому не удивительно, что практически сразу после его обнародования в газетах разных стран, в том числе и в России, возникло бурное обсуждение истинных целей и возможных последствий такого неожиданного союза двух империй [34, 35]. В Томске в период войны газетная «японская тема» была актуальна также в связи с присутствием в городе большого количества японцев: по данным В.Г. Дацышена, Томск служил своего рода перевалочной базой для групп японцев, которых депортировали из Сибири или, наоборот, везли в Сибирь в качестве военнопленных и эти группы подолгу задерживались [36. С. 243–246].

Новостная информация о соглашении появилась в «Сибирской жизни» № 29 от 5 февраля 1902 г. после получения соответствующих телеграмм, и крайне важно понять, что практически с самого начала редакция заняла критическую позицию, в отличие от ряда изданий центральной российской прессы, представляя этот союз необдуманным для Японии и опасным для России – и эту позицию артикулировал японец, подвергшийся культурному влиянию России. Уже в следующем номере, в контексте статьи Фусата-Сузуки «Современное экономическое положение Японии», статья «Россия и Япония», помещенная без подписи в рубрику «Заграничная хроника», прямо указывала на столкновение интересов двух стран в Маньчжурии и Корее (соперничество за порт Мозанпо). Контекстуально это формировало

представление о том, что союз Японии и Британии вносит дестабилизирующий, угрожающий фактор в дальневосточные политические процессы России. Такие нарративы от лица «русскоязычного японца», передающего свежие новости из японских газет, безусловно, крайне интересовали публику.

Поэтому не удивительно, что 20 февраля 1902 г. редакция «Сибирской жизни», предчувствуя, что вероятный военный конфликт на Дальнем Востоке вновь после событий 1900 г. в Китае серьезнейшим образом отразится на жителях Сибири (дефицит импортных товаров, мобилизация, усиление цензуры и др.) анонсировала открытие специального отдела о Дальнем Востоке, в котором «время от времени» будут даваться «заметки о Дальнем Востоке, почерпнутые непосредственно из японских газет нашим сотрудником г. Фусата-Сузуки» [37. С. 1]. Материалы с подписью «прогрессивного» японца выходили практически еженедельно (порой даже ежедневно), представляя читателям уникальную возможность погрузиться в подробные сведения о быте, культуре, современном состоянии и истории этой страны в дискурсах гуманизма и цивилизаторства. Последний материал с подписью «Фусата-Сузуки» вышел 23 января 1904 г. – за 4 дня до нападения японских вооруженных сил на крейсер «Паллада» и броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан» на внешнем рейде Порт-Артура, послужившего фактическим началом необъявленной войны. Таким образом, если Фусата-Сузуки и продолжал поставлять материалы в «Сибирскую жизнь», как это указывает Н.В. Жиликова, то с 1904 г. они уже не были и не могли быть аффилированы с ним по требованиям военной цензуры. Однако в «Сибирском наблюдателе», выходившем под редакцией В.А. Долгорукова, научно-популярные и художественные материалы японца выходили и в 1904 и в 1905 гг. Отсутствие материалов этого автора в потанинском приложении может быть объяснено редакторской позицией – нежеланием перегружать приложение общественно-политической злободневностью.

В течение 1904 г., когда исход столкновения был еще не вполне ясен, а в центральной российской прессе царили ультрапатриотические настроения, недооценивающие противника (японцев текстово и в многочисленных карикатурах представляли развратными «карликами», «обезьянами», «макаками», которых ничего не стоит разогнать), «Сибирская жизнь» формировала более сложный нарратив о Японии, ее внутренних противоречивых мнениях и о японском империализме, который был не столько основан на врожденных чертах ориентализованной японской нации, сколько бпривнесен извне в результате трансфера немецких и американских империалистических дискурсов [38. С. 2]. С другой стороны, и российский империализм со ссылкой на центральную прессу получал вполне логичные объяснения и оправдания как миролюбивый и прагматичный: вскоре после начала войны в перепечатанном фельетоне Дорошевича из «Русского слова» утверждалось, что стремительное проникновение Российской империи в сторону Кореи и Маньчжурии, вопреки очевидным интересам Японии, было вызвано законным стремлением защитить свои дальневосточные и сибирские владе-

ния [39. С. 2]. Таким образом, сибиряки, которые в ближайшее время подвергнутся мобилизации, должны осознать, что воюют далеко за пределами отечества не только за общеимперские интересы, но и за безопасность и спокойствие Сибири. Это соответствовало областническим устремлениям только отчасти.

Дело в том, что начиная с № 29 от 6 февраля 1904 г. в основных выпусках «Сибирской жизни» впервые появляется иллюстративный материал о Японии¹, характер которого входил в определенное противоречие материалу иллюстрированного приложения в течение 1904 г.: если потанинское приложение на первый план выдвигало позитивную культурологическую проблематику (на фоне сложного положения российских сил на фронте это несло антиимперский посыл), то фотографии и рисунки «Сибирской жизни» скорее поддерживали имперский дискурс, несмотря на общее прогрессивное направление издания. В 1905 г. рисунки и фотографии «Сибирской жизни», иллюстрирующие могилы русских офицеров на берегу чужого моря, будут помогать конструировать уже антиимперские и антиправительственные идеи. Однако в 1904 г. это могло послужить одной из причин если не конфликта Потанина и Макушина, то по крайней мере решения последнего прекратить выпуски издания, чей гуманистический по отношению к японцам посыл будет ярко контрастировать с окружающей реальностью.

Первый после начала войны номер иллюстрированного приложения от 1 февраля 1904 г. открывается фотографиями благообразных японских девушек и видов «священной горы Фуджи-Яма», разбавляющими окончание статьи Потанина (подписана «Г.П.») об образах сибиряков в русской литературе. В обществе царит гнетущая атмосфера, сибиряки с нетерпением ждут вестей с Дальнего Востока, а иллюстрированное приложение к «Сибирской жизни» приступает к публикации огромного, растянувшегося на три выпуска материала о Японии, – статьи некоего Н. С-ъ² «Страна восходящего солнца», в которой Япония – это «замечательная», «сказочная страна», «могущественная держава», обратившая на себя внимание всего мира [40. С. 2–3]:

¹ Большая часть рисунков и фотографий, опубликованных в «Сибирской жизни» в течение 1904–1905 гг., была напрямую связана именно с Русско-японской войной. Всего, кроме указанного номера, иллюстративный материал о войне обнаруживается в следующих выпусках: в 1904 г. – № 65, 104, 114, 138, 149, 160, 171, 182, 183, 194, 202, 204, 215, 227, 238, 250, 261, 272, 278.; в 1905 г. – № 1, 6, 12, 18, 24, 29, 41, 51, 57, 63, 68, 74, 80, 92, 97, 107, 111, 117, 122, 128, 134, 139, 145, 151, 156, 161, 167, 172, 178, 183, 188, 199.

² В настоящее время не удастся без сомнений атрибутировать псевдоним «Н. С-ъ», однако можно предположить, что это не встречавшийся ранее вариант псевдонима «Н. Степняк», которым подписывался Н.Ф. Олигер. Осенью 1903 г. Н. Степняк уже публиковал большой ориенталистский материал в «Сибирской жизни» – «Квантунские наброски», указывая, что пишет из Порт-Артура. В потанинском приложении с подписью «Н. Степняк» публиковался только художественный материал: фельетон «Нервы» и рассказ «Удачная охота».

В предлагаемых очерках мы займемся этой злободневной темой – Японией. Конечно, в узких рамках газетной статьи невозможно дать сколько-нибудь полного и всестороннего освещения предмета, – но тем не менее, насколько это будет в наших силах, мы постараемся набросать наиболее характерные и выпуклые черты жизни и нравов этой замечательной страны <...> Страна Восходящего солнца глубоко интересна для изучения не только в силу случайных, временных обстоятельств; нам полезно было бы знать о ней больше и в том случае, если бы политический горизонт востока был ясен и чист» [40. С. 2].

В то же время явное противоречие основному дискурсу о Японии как вероломном агрессоре не мешает выстраивать ориенталистский дискурс вокруг проблемы «подражательности» и «примитивности» японской культуры, основываясь на трудах европейских ориенталистов. Так, не только фотографии, но и большая часть информация о Японии были заимствованы автором статьи из книги австрийского путешественника Эрнста фон Гессе-Вартега «Япония и японцы. Жизнь, нравы и обычаи современной Японии», вышедшей в Петербурге в 1902 г. с предисловием и комментариями отечественного путешественника и публициста Д.И. Шрейдера. Несмотря на явное стремление смягчить тон источника, в отношении образов японских девушек, статья сохраняет одну из ключевых идеологем западноевропейского ориентализма: Восток привлекателен до тех пор, пока не начинает примерять на себя европейские одежды. В этот момент происходит грустный переход «от прекрасного к безобразному» [41. С. 52]:

Женщины, миловидные японские женщины, теряют в европейских платьях все свое обаяние. Изящная, грациозная «мусмэ» превращается в неуклюжую дурнушку с угловатыми очертаниями, толстой талией, безобразной походкой [40. С. 3].

Соответственно, и наоборот: когда автор описывает их традиционные одеяния, в тексте возникает предсказуемый эротический код, общий для бесчисленных (колониальных в своей основе) нарративов о вожделенных женщинах Востока (см., например: [42. Р. 267]). Референции к банным и гаремным сюжетам, основанным на экзотическом понимании нравственности и стыдливости, а также рассуждения о полном отсутствии понятия любви у японцев помогают автору иллюстрированного приложения в конечном итоге закрепить цивилизационную дистанцию, которую не в силах разрушить никакое европейское влияние. Несоответствие расовых черт японцев (и других азиатов) европейскому костюму является особой сферой имперской имагологии, поскольку семиотически восточная женщина замещает в этих дискурсах само понятие колонии как объекта воображения, оценки и присвоения, тогда как японский мужчина несет в себе семантику «угрозы» (подтекстово – «желтой опасности»). Семантика угрозы, исходящей от японских мужчин, прочитывалась только подтекстово и не являлась магистральной темой статей иллюстрированного приложения. Как заметили Н.Е. Никонова и М. Абудуваили, в томской прессе 1903–1905 гг. это был основной тренд, осознанно противопоставленный западноевропейскому ориентализму [2. С. 237].

Однако относительно других сфер восточной культуры (литература, искусство, общественные отношения, технологии, пресса и т.д.) автор допускает прямо противоположные рассуждения: архаичные черты под влиянием более развитой европейской цивилизации постепенно уйдут в прошлое. Например, врожденное чувство прекрасного позволяет японцам воспринимать творения Л.Н. Толстого, и значит у них появятся свои достойные авторы. Пока же, пишет Н. С-ъ, со ссылкой на Гессе-Вартега и Б. Чемберлена¹, «в японской литературе отсутствует гений, идея, логика, глубина, широта и разносторонность», а «преобладающее большинство японских романов представляют собою не больше, как бабьи сказки или разные приключения» [40. С. 3]. Приближение японской литературы к европейским канонам поднимет ее статус и позволит, таким образом, не столько сделать ее европейской, сколько заменить архаичные формы современными, т.е. сделать более удобными для европейского восприятия.

Интересно, что стремление Н. С-ъ смягчить тон в отношении разных проявлений японской цивилизации согласуется с мнением редактора и комментатора книги Гессе-Вартега Д.И. Шрейдера, бывшего корреспондента прогрессивных «Русских ведомостей», автора фундаментальных книг о Дальнем Востоке и отдельных фотографий, помещенных в этот русский перевод, – в предисловии и в отдельных комментариях Шрейдер прямо заявляет свое несогласие с негативными оценками японской культуры. На следующей странице, после цитаты с резкой оценкой Чемберлена, автор статьи в иллюстрированном приложении мог увидеть примечание Д.И. Шрейдера, в котором он упрекает подобный стереотипный взгляд, основанный на «личной, эгоистичной неудовлетворенности» [41. С. 127], фактически утверждая, что Япония является не объектом, а субъектом модернизации.

Отношение японцев к европейской культуре, таким образом, имеет одновременно антиколониальный характер и признаки сознательного выбора: их европеизация избирательна по причине справедливого недоверия к «данайцам нового времени» [41. С. V], и именно эта избирательность при сохранении лучших национальных черт является причиной их стремительных успехов, которые не видны в имперскую оптику. Эта формула Шрейдера вполне согласуется не только с областническими формулами одновременного сохранения культурного богатства народов Сибири и приобщения их к общечеловеческим ценностям западной цивилизации: инородцы Сибири, так же как японцы, имеют право на то, чтобы их воспринимали всерьез, их интересы учитывались, а их культурное наследие не подвергалось насмешкам, как примитивное и варварское, а изучалось и популяризировалось.

¹ Оба цитируемых автором фрагмента располагаются на соседних страницах книги Гессе-Вартеги, что не позволяет говорить о том, что при написании статьи он непосредственно использовал знаменитый труд япониста Бэзила Чемберлена, изданный в Йокотаме, «Things Japanese; being notes on various subjects connected with Japan for the use of travellers and others» (1891).

лось. Проблема в том, что в отличие от японцев, сибирские «Другие» не демонстрируют признаков культурного и национального самосознания, а сибирские носители цивилизационного начала не вполне осознают свою миссию по отношению к Востоку, на какой бы части имажинативной карты мира он не был обнаружен.

В заключение необходимо подчеркнуть, что материалы об инородцах Сибири и жителях Японии (а также контекстуально и Китая, Тибета, Монголии) в иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь» в рецептивном и концептуальном отношениях были синтезом ориенталистских дискурсов, которые накануне и в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. транслировали специфические областнические нарративы о внутренних и внешних восточных «Других». Благодаря редакторской работе Г.Н. Потанина для читателей приложения судьбы этих восточных «Других» были непосредственно связаны с Сибирью, ее колониальным прошлым, полуколонизальным настоящим и гипотетическим постколониальным будущим. Именно этот идейно-тематический комплекс позволяет нам говорить о том, что в период работы Г.Н. Потанина над материалами иллюстрированного приложения в рамках дискурсов позднего областничества происходило формирование специфического дискурсивного поля «сибирского ориентализма» – сложного, не лишённого противоречий комплекса высказываний о Сибири в отношении ее к внутреннему и внешнему Востоку.

Список источников

1. Чуркин М.К. Коренное население Сибири и Степного края как «субалтерны» империи в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2019. Т. 27. С. 27–35.
2. Никонова Н.Е., Абдуваили М. Образы Японии в периодике регионов Российской империи рубежа XIX–XX вв.: переводная литература как имагологический инструмент // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 230–246.
3. Pereira N.G.O. Regional Consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. March 1988. Vol. 30, № 1. P. 112–133
4. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М. : Новое лит. обозрение, 2009. 419 с.
5. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 548 с.
6. Левитов И. Желтороссия, как буферная колония. СПб. : Типография Г.А. Бернштейна, 1905. 120 с.
7. Цыремпилов Н.В. Буддизм в христианской империи: Трансформации бурятской буддийской сангхи в имперской России // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 88–99.
8. Схиммельпенник Ван Дер Ойе Д. Императорская Россия: Большая игра в Тибете? // Родина. 2012. № 11. С. 136–139.
9. Россия и Китай: четыре века взаимодействия: История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М. : Весь Мир, 2013. 704 с.

10. Ваганова И.В. Г.Н. Потанин и газета «Сибирская жизнь»: грани сотрудничества // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14) С. 83–86.
11. Жиликова Н.В., Шевцов В.В. «Знакомить читателей с бытом сибирского населения»: роль иллюстраций в осуществлении диалога культур («Сибирская Жизнь», 1903 год) // Диалог культур в медиапространстве: материалы Международного научного онлайн-семинара, СКФУ, 23 апреля 2021 г. / отв. ред. О.А. Ганжара, И.А. Орден. Ставрополь, 2021. С. 79–81.
12. Жиликова Н.В. Глава 5. «Сибирская жизнь» (1887–1919): четверть века под цензурным прицелом // «Секретно. Конфиденциально»: цензурная история журналистики Томской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). Томск, 2022. С. 188–236.
13. Потанин Г. Областничество тенденция в Сибири. Томск : Паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. 64 с.
14. Андра Р. Как живут в Лхассе // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 166. 1 авг.
15. Mehra P. In the Eyes of Its Beholders: The Younghusband Expedition (1903/04) and Contemporary Media // Modern Asian Studies. 2005. № 39 (3). P. 725–739.
16. Жиликова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 444 с.
17. [Объявление] // Сибирская жизнь. 1903. № 4. 5 янв.
18. Письма Г.Н. Потанина : в 5 т. / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Н.Н. Яновский. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 272 с.
19. Потанин Г.Н., Васильева М.Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка / сост. Н.В. Васенькин, Г.И. Колосова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 418 с.
20. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
21. Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г.Н. Потанину / сост., публ. Н.В. Васенькин. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 288 с.
22. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : Сова, 2008. 270 с.
23. Ядринцев Н.М. Об алтайцах и черневых татарах. СПб. : Типография В. Безобразова и К, 1881. 27 с.
24. Шастина Т.П. «Гений местности» – Г.Н. Потанин об усадьбе художника Г.И. Гуркина на Алтае // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. С. 276–297.
25. Еще из рассказов об Ойроте // Сибирская жизнь. 1904. № 132. 20 июня.
26. Потанин Г. Средне-азиатский мессианизм // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 155. 18 июля.
27. К рисункам: Китайские львы // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 155. 18 июля.
28. Лоти П. Песнь о старых супругах // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 35. 15 февр.
29. К рисункам // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 35. 15 февр.
30. Новомбергский Н. Инородцы острова Сахалина // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 77. 11 марта.
31. Пребывание кама в Томске // Сибирская жизнь. 1909. № 46. 28 февраля.
32. Сибиряки в Москве // Сибирская жизнь. 1914. № 66. 28 марта.
33. Жиликова Н.В. Особенности освещения международной жизни в дореволюционной журналистике Сибири // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20–21 октября 2015 г. М., 2015. С. 56–60.

34. Цыганова И.В. Англо-японский союзный договор 1902 г. в оценках русской периодической печати // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания : материалы Международной научной конференции, Чебоксары, 23–24 апреля 2021 г. Чебоксары, 2021. С. 64–70.
35. Прокопин Ф.И. Британская пресса об Англо-японском союзе 1902 года // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 3 (53). С. 106–113.
36. Дацышен В.Г. Депортированные и военнопленные японцы в Сибири в 1904–1905 гг. // Япония: ежегодник. 2007. № 36. С. 240–249.
37. На Дальнем Востоке // Сибирская жизнь. 1902. № 42. 20 февр.
38. Японский империализм // Сибирская жизнь. 1904. № 77. 11 апр.
39. Война // Сибирская жизнь. 1904. № 25. 31 янв.
40. Н. С-ъ. Страна восходящего солнца // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 26. 1 февраля.
41. Гессе-Вартег фон Э. Япония и японцы: жизнь, нравы и обычаи современной Японии. СПб. : А.Ф. Девриен, 1902. 284 с.
42. Driss H. Closed to Oriental Heroines: Ethos of the Colonial Text // Middle East Studies Association Bulletin. 2003. № 36(2). P. 164–188.

References

1. Churkin, M.K. (2019) The indigenous population of Siberia and the Steppe region as “subalterns” of the empire in the socio-political discourse of the second half of the 19th – early 20th centuries. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 27. pp. 27–35. (In Russian).
2. Nikonova, N.E. & Abuduvaili, M. (2021) Images of Japan in The Periodicals of the Russian Empire Regions at the Turn of the 20th Century: Translated Literature as an Imagological Tool. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 73. pp. 230–246. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/73/13
3. Pereira, N.G.O. (1988) Regional Consciousness in Siberia before and after October 1917. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. March. 30 (1). pp. 112–133
4. Schimmelpennink van der Oye, D. (2009) Navstrechu Voskhodyashchemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voyne s Yaponiey [Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
5. Gerasi, R. (2013) *Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii* [Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Levitov, I. (1905) *Zheltorossiya, kak bufernaya koloniya* [Yellowrussia as a buffer colony]. St. Petersburg: Tipografiya inzh. G.A. Bernshteyna.
7. Tsyrempilov, N.V. (2011) Buddhism in the Christian Empire: Transformations of the Buryat Buddhist Sangha in Imperial Russia. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 1. pp. 88–99. (In Russian).
8. Schimmelpennink van der Oye, D. (2012) Imperatorskaya Rossiya: Bol'shaya igra v Tibet? [Imperial Russia: Great Game in Tibet?]. *Rodina*. 11. pp. 136–139.
9. Lukin, A.V. (ed.) (2013) *Rossiya i Kitay: chetyre veka vzaimodeystviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiysko-kitayskikh otnosheniy* [Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and prospects for the development of Russian-Chinese relations]. Moscow: Ves' Mir.
10. Vaganova, I.V. (2011) G.N. Potanin and the newspaper “Sibirskaya Zhizn”: facets of cooperation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 83–86. (In Russian).
11. Zhilyakova, N.V. & Shevtsov, V.V. (2021) [“To acquaint readers with the life of the Siberian population”: the role of illustrations in the implementation of a dialogue of cultures

(“Sibirskaya Zhizn”, 1903)]. In: Ganzhar, O.A. & Orden, I.A. (eds) *Dialog kul'tur v mediaprostranstve* [Dialogue of cultures in the media space]. Proceedings of the International Online Seminar. NCFU. 23 April 2021). Stavropol: NCFU. pp. 79–81. (In Russian).

12. Zhilyakova, N.V. (2022) Glava 5. “Sibirskaya zhizn'” (1887–1919): chetvert' veka pod tsenzurnym pritselom [Chapter 5. “Sibirskaya Zhizn'” (1887–1919): a quarter of a century under censorship]. In: “*Sekretno. Konfidentsial'no*”: tsenzurnaya istoriya zhurnalistiki Tomskoy gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [“Secret. Confidential”: censorship history of journalism in Tomsk Province (second half of the 19th century – beginning of the 20th century)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 188–236.

13. Potanin, G. (1907) *Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri* [Regionalist trend in Siberia]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela.

14. Andra, R. (1904) Kak zhivut v Lkhasse [How they live in Lhasa]. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete “Sibirskaya zhizn'”*. 166. 1 August.

15. Mehra, P. (2005) In the Eyes of Its Beholders: The Younghusband Expedition (1903–04) and Contemporary Media. *Modern Asian Studies*. 39 (3). pp. 725–739.

16. Zhilyakova, N.V. (2011) *Zhurnalistika goroda Tomsk (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitie* [Journalism of the city of Tomsk (19th – early 20th centuries): formation and development]. Tomsk: Tomsk State University.

17. *Sibirskaya zhizn'*. (1903) [Ob'yavlenie] [Announcement]. 4. 5 January.

18. Grumm-Grzhimaylo, A.G., Koval, S.F. & Yanovskiy, N.N. (eds) (1991) *Pis'ma G.N. Potanina: v 5 t.* [G. N. Potanin's Letters: in 5 vols]. Irkutsk: ISU.

19. Potanin, G.N. & Vasil'eva, M.G. (2004) “*Mne khochetsya sluzhit' Vam, odet' Vas svoey lyubov'yu*”: *Perepiska* [“I want to serve you, to dress you with my love”: Correspondence]. Tomsk: Tomsk State University.

20. Popov, I.I. (1989) *Zabytye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora* [Forgotten Irkutsk pages: Notes from the editor]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

21. Adrianov, A.V. (2007) “*Dorogoy Grigoriy Nikolaevich...*”: *Pis'ma G.N. Potaninu* [“Dear Grigory Nikolaevich...”: Letters to G.N. Potanin]. Tomsk: Tomsk State University.

22. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastничество v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian regionalism in the socio-political life of the region in the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries]. Novosibirsk: Sova.

23. Yadrintsev, N.M. (1881) *Ob altayskikh i chernykh tatarakh* [About the Altaians and Black Tatars]. St. Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i K.

24. Shastina, T.P. (2020) The “Genius Loci”: Grigory Potanin on Artist Grigory Gurkin's Manor in Altai. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 66. pp. 276–297. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/66/15

25. *Sibirskaya zhizn'*. (1904) Eshche iz rasskazov ob Oyrote [More stories about Oirot]. 132. 20 June.

26. Potanin, G. (1904) *Sredne-aziatskiy messianizm* [Central Asian messianism]. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete “Sibirskaya zhizn'”*. 155. 18 July.

27. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete “Sibirskaya zhizn'”*. (1904) K risunkam. Kitayskie l'vy [To the drawings. Chinese lions]. 155. 18 July.

28. Loti, P. (1904) *Pesn' o starykh suprugakh* [Song of the Old Spouses]. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete “Sibirskaya zhizn'”*. 35. 15 February.

29. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete “Sibirskaya zhizn'”*. (1904) K risunkam [To the drawings]. 35. 15 February.

30. Novombergskiy, N. (1904) *Inorodtsy ostrova Sakhalina* [Foreigners of Sakhalin Island]. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete “Sibirskaya zhizn'”*. 77. 11 March.

31. *Sibirskaya zhizn'*. (1909) *Prebyvanie kama v Tomske* [Shaman's stay in Tomsk]. 46. 28 February.

32. *Sibirskaya zhizn'*. (1914) *Sibiryaki v Moskve* [Siberians in Moscow]. 66. 28 March.

33. Zhilyakova, N.V. (2015) [Peculiarities of covering international life in pre-revolutionary journalism in Siberia]. *Sredstva massovoy kommunikatsii v mnogopolyarnom mire: problemy i perspektivy* [Mass communications in a multipolar world: problems and prospects]. Conference Proceedings. Moscow. 20–21 October 2015. Moscow: RUDN. pp. 56–60. (In Russian).

34. Tsyganova, I.V. (2021) Anglo-yaponskiy soyuznyy dogovor 1902 g. v otsenkakh russkoy periodicheskoy pechati [The Anglo-Japanese Union Treaty of 1902 in the assessments of Russian periodicals]. *Mezhdistsiplinarnyy potentsial ustnoy istorii i novye puti razvitiya istoricheskogo znaniya* [Interdisciplinary potential of oral history and new ways of developing historical knowledge]. Proceedings of the International Conference. Cheboksary. 23–24 April 2021. Cheboksary: Izdatel'skiy dom "Sreda". pp. 64–70. (In Russian).

35. Prokonin, F.I. (2022) British press on the Anglo-Japanese Alliance of 1902. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (53). pp. 106–113. (In Russian).

36. Datsyshen, V.G. (2007) Deportirovannye i voennoplennyye yaponsy v Sibiri v 1904–1905 gg. [Japanese deportees and prisoners of war in Siberia in 1904–1905]. *Yaponiya. Ezhegodnik*. 36. pp. 240–249.

37. *Sibirskaya zhizn'*. (1902) Na Dal'nem Vostoke [In the Far East]. 42. 20 February.

38. *Sibirskaya zhizn'*. (1904) Yaponskiy imperializm [Japanese Imperialism]. 77. 11 April.

39. *Sibirskaya zhizn'*. (1904) Voyna [War]. 25. 31 January.

40. N. S.-?. (1904) Strana voshodyashchego solntsa [Land of the Rising Sun]. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete "Sibirskaya zhizn'"*. 26. 1 February.

41. von Gesse-Varteg, E. (1902) *Yaponiya i yaponsy. Zhizn', nrvy i obychai sovremennoy Yaponii* [Japan and the Japanese. Life, morals and customs of modern Japan]. St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena.

42. Driss, H. (2003) Closed to Oriental Heroines: Ethos of the Colonial Text. *Middle East Studies Association Bulletin*. 36 (2). pp. 164–188.

Информация об авторах:

Алексеев П.В. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Шарыпова В.С. – научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия), магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sharypova_v@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

P.V. Alekseev, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian Language and Literature, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

V.S. Sharypova, research fellow, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation); master's student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sharypova_v@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023;
одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 12.07.2024.

The article was submitted 23.10.2023;
approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 12.07.2024.